

Под ред. Е.В. Красниковой. – М.: ТЕИС, 1998. – 231 с.

13. Черковец В. Экономика, право, собственность (введение, дополнения и заключение к монографии ученых вузов республик СНГ «Государственная собственность в экономике России и других стран. Вопросы истории и теории» // Российский экономический журнал. – 2002. – №10. – С.75-87.

14. Экономическая теория / Под ред. А.И. Добрынина, Л.С. Таресевича: Учебник для вузов. – СПб: Изд. СПб ГУЭФ, Изд. «Питер Паблишинг», 1997. – 480 с.: Ил.

Статья поступила в редакцию 20.01.2006

В.В. ЛИПОВ, к.э.н., доцент,
Харьковский национальный экономический университет

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ, СУБЪЕКТЫ И МЕХАНИЗМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Переход к рыночным методам хозяйствования, трансформация экономической системы выдвигают на первый план задачу кардинального пересмотра институциональных основ хозяйственной деятельности. Особое значение приобретает изучение теоретических основ и практического опыта стран мира, творческое использование механизмов таких изменений, определение движущих сил институциональной динамики.

Среди работ, пробудивших интерес научной общественности к проблемам институциональных изменений, прежде всего, следует назвать публикации произведений Д. Норта [1]. Изменение организационных умений и рутин рассматриваются в качестве теоретической основы экономической эволюционной теории Р. Нельсона и С. Уинтера [2, с. 71-162]. Дж. Ходжсон [3, с. 209-211], опираясь на труды Ф. Хайека [4, с. 60-84; 5, с. 154- 181] акцентирует внимание на спонтанном характере формирования институтов. Хозяйственный порядок по В. Ойкену воплощает в себе весь комплекс экономических институтов. В качестве сил, формирующих порядок, ученый выделяет государство, науку и религию. Немаловажное значение при установлении и трансформации экономического порядка имеет сочетание индивидуального и общего интереса [6, с. 417-463]. В работе [7] рассматриваются институты социально-ориентированной рыночной экономики и перспективы их форми-

рования в России.

С. Кирдина акцентирует внимание на проблеме Path Dependency, обусловленности институциональной динамики общест-венными свойствами материально-технологической среды [8]. Г. Клейнер рассматривает роль микроэкономических субъектов как своеобразных фильтров-инкубаторов в эволюции институциональных систем [9]. К проблемам институциональных изменений обращаются А. Олейник, В. Полтерович, В. Радаев [10].

Фактический провал экономических реформ начала 90-х гг. в странах с переходной экономикой стимулировал возврат интереса к изучению проблемам социокультурной обусловленности хозяйственной деятельности [11]. Растет внимание к опыту изучения проблем институциональной динамики в социологии, культурологии, истории, антропологии, прикладном менеджменте. [12] В работе автора [13] акцент сделан на социокультурных предпосылках институциональных преобразований в трансформационной экономике.

Актуальность, интерес исследователей к проблеме институциональных изменений, её междисциплинарный характер, методологический плюрализм обуславливают наличие множества зачастую противоречивых подходов.

Цель статьи – систематизация имеющегося материала, определение клю-

© В.В. Липов, 2006

чевых факторов, субъектов, механизмов институциональных преобразований.

Институциональную систему можно представить в виде пирамиды, в основе которой находятся ценностные отношения. Средний и верхний уровни составляют соответственно хозяйственные умения и рутины, неформальные и формальные институты. Ценностные основы хозяйствования составляют базис институциональной системы.

Ценность можно определить как стабильное, объективированное, субъективно-психологическое, регулятивное внутреннее отношение личности, определяющее мировоззрение, нацеленность и характер ее экономической активности. Они представляют целостную, иерархическую систему, включающую праценности, как основу этосных ценностей, индивидуальные эстетические, индивидуально-коллективные моральные, групповые правовые, политические и религиозные, интегративные экзистенциальные и художественные ценности. Ценностная система личности носит интегративный, комплементарный, динамический характер. "Экономические ценности" интегрируют в хозяйственной сфере весь комплекс ценностей. [13, с. 59-88].

Привычки и умения позволяют унифицировать бесчисленное количество стандартных, часто повторяемых процедур. В результате экономические субъекты экономят время и усилия в стандартных ситуациях. "Фактически способность к формированию привычек необходима для приобретения всех видов практических умений и мыслительных навыков. – Утверждает Дж. Ходжсон. – На первых порах, пока мы учимся какому-нибудь умению, нам приходится концентрировать внимание на каждой детали своих действий. ... Однако, в конце концов, возникают мыслительные и практические привычки, и именно в этот момент мы чувствуем, что овладели данным умением" [3, с. 196]. Умения помогают справиться с информационными перегрузками. Некритическое восприятие информации, отсутствие творческого подхода составляют отрицатель-

ную сторону привычек и умений.

Р. Нельсон и С. Уинтер под умениями понимают потенциальную способность качественно осуществлять определенную последовательность действий, направленных на достижение определенной цели [2, с. 95]. Умения характеризуются запрограммированностью последовательности этапов деятельности, неявным характером знаний относительно отдельных элементов. Реализация умений часто предусматривает многочисленные автоматические, неосознаваемые исполнителем «акты выбора».

"Рутины – это не просто действия, ставшие шаблонными; кроме того, они создают возможности для будущих действий и формируют сами эти действия. – Отмечает Дж. Ходжсон, – ... функциональная значимость привычек и рутин для индивидуального агента заключается в том, что благодаря им он может менее отдаваться раздумьям, сопутствующим сложным аспектам повседневного поведения (выделено мной – В.Л.)» [3, с. 202]. Рутины создают возможности для обеспечения информацией других агентов. Р. Нельсон и С. Уинтер предлагают понимать под рутинami постоянно повторяемые шаблоны деятельности организаций, индивидуальные умения, стабильное эффективное функционирование организаций и деятельность отдельных личностей [2, с. 120]. В них фиксируется память организаций и отдельных индивидов. Эффективные рутины закрепляют мотивацию деятельности, обеспечивают контроль, репликацию, имитацию удачных способов деятельности других экономических субъектов. Они оптимизируют деятельность по достижению определенных целей, выступают в качестве информационных генов организаций.

В чем состоит отличие рутины от умения? Рутины имеют социальную направленность, даже если речь идет об отдельной личности. Комплексы организационных рутин создают организационную культуру организаций.

В состав неформальных институтов входят обряды, ритуалы, обычаи, традиции, роли, неписаные правила поведения.

Комплекс формальных институтов включает законодательные акты, специальные отраслевые, региональные, ведомственные, внутренние, инструктивно-методические, распорядительные документы.

Базисные институты формируют основу доминирующей в данной СЭМ институциональной матрицы. Комплементарные институты дополняют действие базисных институтов, обеспечивают устойчивость социальной системы.

Ценности составляют внутренний компонент личности, формируют его отношение к окружающему миру. Умения и рутины представляют алгоритмы оптимальной организации деятельности. Неформальные и формальные институты регулируют отношения личности с окружающим миром.

Что предопределяет характер институциональной динамики?

Представитель институционального направления экономической теории Дж. Найт выделяет два подхода к объяснению движущих сил изменений и развития институтов [14]. Первый основывается на идее стимулирующей значимости коллективных выгод от развития социальных институтов. Второй акцентирует внимание на неравновесности выгод для отдельных социальных групп от институциональных изменений. Этот дисбаланс и выступает в качестве движущей силы институциональных изменений. Отличие состоит в видении движущей силы во взаимодействии или конфликте, координации интересов или их конкуренции.

В основе первого подхода лежит понимание института как социального контракта. Истоки подобного взгляда прослеживаются в творчестве английского философа XVII в. Т. Гоббса. Философ выделяет естественные и гражданские законы. «... Все, что люди обязаны знать как закон, не на основании слов других людей, а каждый по собственному разуму, – утверждал мыслитель, – должно быть чем-то таким, что согласуется с разумом всех людей, а таковым не может быть никакой иной закон, кроме естественного. ... они содержатся в одном признанном всеми по-

ложении: не делай другому того, что ты считал бы неразумным со стороны другого по отношению к тебе самому [так в тексте – В.Л.]» [16, с. 210]. Естественные законы являются частью гражданских, устанавливаемых государством. Цель их, как формы общественного договора, состоит в прекращении конфликта, войны всех против всех. Государство выступает субъектом, инициирующим институциональные изменения, определяющим их цели и задачи.

Три основных подхода к видению движущих сил институциональных изменений в рамках рассматриваемого направления представлены в творчестве Д. Юма, А. Смита и Г. Спенсера. Д. Юм предложил идею спонтанного происхождения институтов. Социальные конвенции являются продуктом произвольного общественного взаимодействия [16]. Согласно А. Смит рыночная координация посредством невидимой руки «Провидения» выступает в качестве источника закрепления эффективных институтов. Обе теории акцентируют внимание на социальном выигрыше от формирования новых институтов. Теория социального отбора Г. Спенсера основывается на принципе соответствия. Критерием возникновения, существования и исчезновения институтов является способность удовлетворять социальные нужды в конкурентном мире. Социальные институты рассматриваются в аспекте их способности удовлетворить функциональные потребности сообщества. Центральными элементами эволюционного процесса выступают разнообразие, отбор и наследование.

Второй подход акцентирует внимание на дискриминирующем влиянии институтов. Конфликт интересов является движущей силой институциональных изменений. Основополагающие идеи этого подхода заложены в творчестве К. Маркса и М. Вебера.

К. Маркс выдвигает две теории институциональных изменений: исторический материализм (развитие производительных сил предопределяет направление развития производственных отношений) и теорию классовых конфликтов. Основной формой развития институциональной сис-

темы общества выступает революционное изменение институтов.

М. Вебер акцентирует внимание на распределительном эффекте институциональных изменений. Преимущества в экономических взаимоотношениях перераспределяются в пользу социальных групп, которые имеют более эффективные институты. Подражание, стремление заимствовать наиболее эффективные нормы поведения дает толчок развитию институтов.

Дж. Бьюкенен допускает как эволюционный, так и революционный путь изменения институциональной системы. Ученый разделяет понятия «конституционной» и «неконституционной» революции. Под первой понимаются базисные, некосметические изменения всего набора институциональных норм, настолько значительные, что они могут пониматься как революция. Обязательным условием таких изменений является концептуальное согласие с ними всех членов общества. Неконституционную революцию ученый увязывает с навязыванием одной части социума другой новых правил поведения [17, с. 423].

Теория общественного выбора противопоставляется подходу, в котором в качестве цели политической деятельности принимается максимизация власти индивида над другими людьми. Если экономический подход основывается на концепции максимизации полезности всеми участниками соглашения, подход, согласно которому индивиды максимизируют власть, представляет собой игру с нулевой суммой. Власть перераспределяется в пользу отдельных участников соглашения. В рамках подобной теоретической схемы взаимные выгоды обмена невозможны. «Политический процесс, таким образом, – утверждает ученый, – превращается в нечто диаметрально противоположное экономическим отношениям, а никак не в их аналог, к каким бы ухищрениям мы не прибегали» [18, с. 59-60]. Задача состоит в формировании «новой «гражданской религии» ... скептическому отношению к политической деятельности и правительствам и которая ... сосредоточит наше внимание на

правилах, ограничивающих деятельность правительств, а не на инновациях, оправдывающих всевозрастающее вмешательство политиков в жизнь граждан. ... имея своей конечной целью ограничение того вреда, который способны причинять государства при одновременном сохранении всех благотворных направлений правительственной и коллективной деятельности [выделено автором – В.Л.]» [19, с. 262].

Представители конституционального направления концентрируют внимание на проблемах создания формальных институтов. В качестве основного субъекта инновационной активности рассматриваются политические деятели. Институциональные инновации А. Олейник рассматривает как деятельность по созданию частных, клубных (гибридных) или общественных благ. В качестве субъектов инновационной активности выделяются предпринимательские круги, отдельные группы, социальные движения, государство [21, с. 73-86]. Предложенная ученым матрица инновационной эффективности субъектов институционального творчества позволяет выявить сферы институциональных изменений, в которых деятельность отдельных групп проявляется наиболее выражено, является наиболее эффективной. Для представителей экономической элиты, с ярко выраженной мотивацией на удовлетворение индивидуального интереса, таковой является сфера функционирования института как частного блага. Их деятельность в сфере формирования институтов как общественного блага оказывается наименее эффективной. Институциональное творчество политических лидеров как представителей интересов политических групп соответственно мотивируется на формирования институтов как клубных благ, гибридной формы объединения индивидуальных и общественных интересов.

Ограниченность предлагаемой концепции состоит, с одной стороны, в том, что из поля зрения выпадают институциональные инновации на ценностном уровне, а с другой – национальная экономика рассматривается как закрытая система и игно-

рируется влияние глобальной экономической среды. В качестве субъектов глобальных культурных изменений в коллективной монографии [21] предлагаются представители «давосской культуры»; «яппи-интернационала»; клубной культуры интеллектуалов (faculty club culture); ТНК как распространители глобальной массовой культур; массовые социальные и религиозные движения.

Давосская культура – это международная культура деловой и политической элиты мира и миллионов представителей национальных элит, стремящихся быть вовлеченными в решение глобальных экономических и политических проблем, находящихся в состоянии «упреждающей социализации». К представителям «яппи-интернационала» относят членов сообществ честолюбивых молодых людей, вовлеченных в современный бизнес, соответствующим образом одевающихся, работающих, развлекающихся, бегло говорящих, в какой-то степени мыслящих по-английски и рассчитывающих в будущем стать участниками элитных саммитов. Глобальная клубная культура интеллектуалов отчасти сливается, а отчасти вступает в столкновение с давосской культурой. Она распространяется западными академическими структурами, неправительственными организациями, некоторыми правительственными и межправительственными учреждениями. Это ценностные ориентации и правила поведения, выработанные западными интеллектуалами. Среди них: декларации о правах человека, концепции феминизма, защиты окружающей среды, мультикультурализма, представления о политическом устройстве и образе жизни. В условиях глобализации ТНК выступают распространителями глобальной массовой культуры. «Перефразируя Фрейда, – отмечает П. Брегер, – можно сказать, что иногда гамбургер – это всего лишь гамбургер. Но в других случаях потребление гамбургера, особенно когда это происходит под золочеными образами ресторана McDonald's, служит видимым знаком реальной или воображаемой причастности к глобальной современности» [21, С. 14 -

15]. Деятельность глобальных ТНК расширяет доступ населения к продуктам современной цивилизации. Она стимулирует, через лоббирование ими своих интересов, переориентацию национальных законодательств на западные стандарты, распространение неформальных норм и организационных рутин среди персонала иностранных филиалов. В конечном итоге, через распространение потребительских стандартов поведения создаются условия для постепенного изменения ценностных ориентаций населения развивающихся стран. Среди массовых социальных движений, активно воздействующих на процессы институциональной трансформации, следует, прежде всего, выделить глобальные религиозные, антиглобалистские, экологические, феминистские движения, движение за права человека [22]. Эти движения характеризуются многообразием и противоречивостью целей, субъектов, вовлеченных в их деятельность, масштабностью и глубиной затрагиваемых проблем. Соответственно спектр их влияния на институциональные изменения варьируется от ценностных ориентиров (религиозные общности) до законодательных актов (феминистские и правоохранные движения).

Предлагаемые механизмы институциональных изменений в определяющей степени зависят от представлений авторов о структуре институциональной системы. «Институты меняются, – пишет Д. Норт, – и самым важным источником этих изменений являются фундаментальные изменения в соотношении цен... дело в том, что оно изменяет стимулы, испытываемые индивидом в процессе человеческих взаимоотношений, и единственным другим источником институциональных изменений выступают изменения вкусов [выделено мною – В.Л.]» [23, с. 109]. И далее: «Нам очень мало известно об источниках изменения предпочтений и вкусов. Ясно, что здесь определенную роль играют изменения в соотношении цен. Иными словами, фундаментальные изменения в соотношении цен с течением времени приводят к изменению стереотипов поведения и рационализации

людьми того, что образует стандарты поведения" [23, с. 110]. Институциональные изменения, по мнению ученого, фактически полностью детерминируются экономическими факторами.

В сборнике "Изобретение традиции", подготовленном под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера, на богатом историческом материале раскрывается опыт формирования новых традиций как фактора, фиксирующего социальные ценности и закрепляющего идеологическое единство общества. На примерах от горной Шотландии до континентальной Европы, викторианской Индии и колониальной Африки раскрывается механизм "изобретения традиции". Он может предусматривать как одновременную или последовательную целенаправленную разработку и формальное введение, так и спонтанное, незапланированное распространение в течение определенного периода времени новых традиций [24]

Механизм трансформации формальных институтов рассмотрен в статье [25].

Механизм институциональной инновации на уровне местных сообществ предложен в концепции Э. Остром (Таблица 1) [26]. Он включает алгоритм соотношения ценностей и значимостей субъектов, участвующих в институциональной инновации с выгодами и затратами ее осуществления, последствиями для существующего статус-кво. Источником данных для осуществления ценностной оценки является информация о выгодах новшества, существующих нормах и альтернативах, затратах на внедрение, мониторинг, адаптацию институциональной инновации, анализ ее последствий для действующей институциональной системы. В своих ключевых аспектах предлагаемая Э. Остром схема вполне соотносима с моделью мотивации Портера-Лоулера. Отличие состоит в том, что мотивируется не отдельный субъект, а местные сообщества, не трудовая активность, а усилия по трансформации институциональной среды. Участники институциональных соглашений определяют для себя привлекательность вознаграждения,

ожидаемого от инновации, вероятность ее осуществления и получения выгоды. Это предопределяет интенсивность соответствующих усилий. Свою роль в институциональной динамике играют коммуникативные особенности сообщества, действующие нормы. Успех инновации ведет к внесению корректив в действующую институциональную систему. Таким образом, предложенную схему можно рассматривать в качестве модели мотивационного механизма коррекции институциональной системы.

Механизм трансформации институтов хозяйствования (прежде всего индивидуальных умений и организационных рутин) на уровне микроэкономических субъектов в процессе кросс-культурного взаимодействия в рамках ТНК представлен в работе Н. Холдена [27]. Ученый рассматривает проблемы кросс-культурного взаимодействия внутри организации с точки зрения когнитивного менеджмента. При этом культурное разнообразие рассматривается в качестве внутреннего ресурса организации. Выявление эффективных умений и рутин, их описание, распространение информации о них, оказание содействия их творческому внедрению в рамках ТНК превращается в ключевой фактор успешной работы фирмы в условиях глобализации.

Исследование элементов институциональной системы, движущих сил институциональных инноваций, субъектов инновационного процесса, механизмов внедрения новых институтов является предпосылкой успешного формирования СЭМ, соответствующей особенностям национальной культуры и обеспечивающей эффективное функционирование рыночной экономики.

Литература

1. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. – 1993. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 69 – 91; Институты, идеология и эффективность экономики // От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. – М.: Catallaxy, 1993. – С. 307 – 319; Норт Д. Институциональные изменения: рамки

анализа [Доклад на конференции по проблемам экономических реформ в России. Вашингтон, март 1996 г.] // Вопросы экономики. – 1997. - № 3. – С. 6 – 17.

Таблица 1

Факторы, влияющие на институциональный выбор по Э. Остром*

Внешняя среда	Ситуативные характеристики: 1. Количество участников 2. Значимость общественного блага (ОБ) 3. Времени и пространственные характеристики ОБ 4. Рыночные характеристики ОБ 5. Совокупность и типы конфликтов внедрения 6. Доступность информации 7. Применяемые нормы статус-кво (СК) 8. Предлагаемые нормы				
Ситуативные характеристики: 1. Значимость ОБ 2. Интегрированность общества 3. Информированность об альтернативах	Информация о преимуществах внедряемых институтов			Сохранение СК: осталась предыдущая совокупность	
	Информация о признанных нормах и альтернативах	Внутренняя среда	Ожидаемые выгоды	Предвидится или нет изменение в правилах, определяющих СК	Совокупность необходимых для замены института действующих норм
		Ценности, значимости	Ожидаемые издержки		Изменение СК: принят новый комплекс
Информация о затратах на изменения, мониторинг, поддержку альтернативных институтов			Информация о затратах на мониторинг и поддержку новых институтов		
Ситуативные характеристики: 1. Количество субъектов, принимающих решение. 2. Степень противоречивости (однородности) интересов 3. Действующий порядок изменений институтов 4. Активы и инструменты лидеров 5. Изменения, которые предлагаются 6. Бывшие стратегии участников Возможность самостоятельного изменения институтов			Ситуативные характеристики: 1. Масштабы и структура ОБ 2. Технологические особенности 3. Технологии внедрения 4. Маркетинговая среда 5. Предлагаемые правила 6. Легитимность действующих норм		
↑ Предыдущие институциональные решения местных участников		↑ Требования, устанавливаемые внешней властью			

*Приведено по [13, С. 139].

2. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. – М.: Финстатинформ, 2000. – 474 с.
3. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. – М.: Дело, 2003. – 464 с.
4. Хайек Ф. Право, законодательство та свобода. Т 1. – К.: Сфера, 1999. – 196 с.
5. Гаек Ф. Конституція свободи. – Львів:

Літопис, 2002. – 556 с.

6. Ойкен В. Основные принципы экономической политики. – М.: Прогресс, 1995. – 496 с.

7. Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии. – СПб.: Экономическая школа, 1999. – 368 с.

8. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – 308 С.; Кирдина С. X- и Y-экономики: Институциональный анализ. – М.: Наука, 2004. – 256 с.

9. Клейнер Г. Эволюция институциональных систем. – М.: Наука, 2004. – 240 с.

10. Полтерович В. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. – 2001. - № 3.; Радаев В. В. Институциональная динамика рынков и легализация бизнеса // Истоки. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – С. 262 – 311.

11. Landes, David (1998), *The Wealth and Poverty of Nations. Why Some Are So Rich and Some So Poor*. NY: WW Norton&Company. 650 с.; Власов Ю.Н. Культура реформаторства и реформирование культуры. – М.: Юрайт, 1998. – 224 с.; Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под. ред. Л. Харисона и С. Хантингтона. – М.: МШПИ, 2002. – 320 с.; Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. – М.: Catallaxu, 1995. – 248 с.

12. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. – СПб.: РГХИ, 2000. – 1056 с.; Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1064 с.; Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. – М.: РОССПЭН, 2004. – 959 с.; Коннертон П. Як суспільства пам'ятають. – К.: Ніка-Центр, 2004. – 184 с.

13. Липов В.В. Мотивація інституціональних змін у трансформаційній економіці. – Х.: НФаУ, 2004. – 184 с.

14. Knight, Jack (1992), *Institutions and Social Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press. 234 p.

15. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения. Т. 2. – М.:

Мысль, 1991. – С. 3 – 545.

16. См. напр.: Юм Д. О первоначальном договоре // Юм. Д. Малые произведения. – М.: Канон, 1996. – С. 130 – 158; Юм. Д. О происхождении правления // Там же. – С. 34 – 39.

17. Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Бьюкенен Дж. Сочинения. – М.: Таурус Альфа, 1997. – 560 с.

18. Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия // Там же. - С. 31-206.

19. Бренан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. – СПб.: Экономическая школа, 2005. – 272 с.

20. Олейник А.Н. Институциональные аспекты социально-экономических трансформаций. – М.: ТЕИС, 2000. – 158 с.

21. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под. ред. П. Бергера и С. Хантингтона. – М.: Аспект-Пресс, 2004. – 379 с.

22. Религия и глобализация на просторах Евразии. – М.: Неостром, 2005. – 343 с.; Релігійна свобода і права людини: Богословські аспекти. У 2-х т. Т. 1. – Львів, Свічадо, 2000. – 428 с.; Глобализация сопротивления: борьба в мире / Отв. ред. С. Амин и Ф. Утар. – М.: УРСС, 2004. – 304 с.

23. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1997. – 190 с.

24. Винайдення традиції /За ред. Е. Госбаума та Т. Рейнджера. – К.: Ніка-Центр, 2005. – 448 с.;

25. Кузьмин Я., Радаев В., Яковлев А., Е. Ясин Институты: от заимствования к выращиванию // Вопросы экономики. – 2005. - № 5. – С. 5 – 27.

26. Ostrom, Elinor (1990), *Governing the Commons. The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press. 280 p.

27. Холден Н. Кросс-культурный менеджмент. Концепция когнитивного менеджмента. – М.: ЮНИТИ, 2005. – 384 с.

Статья поступила в редакцию 12.01.2006